Книпер-Чехова Ольга Леонардовна

25.1.95.

ОДИНОКИЙ ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА

Комс. правда — 1995. — 25 янв. — с. 8.

Последняя любовь Чехова

В конце этой недели, 29 января,— чеховский юбилей. 135 лет со дня рождения. Сегодня в гостях у «КП» — Владимир Книппер, племянник русской актрисы Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, любовь к которой осветила последние годы жизни писателя. Все, о чем рассказывает Владимир Владимирович, публикуется впервые.

До сих пор я как-то очень осторожно думаю об этом... Наша встреча остается чем-то теоретически невозможным. Так поезду нет никакой возможности остановиться на той станции, что давным-давно попала под затопление. Дорога идет в обход, и пассажиры привыкли воспринимать это как данность...

Н была осень, кухня окнами в большой московский двор, Владимир Владимирович Книппер угощал меня кофе, то и дело вспоминая «тетю Олю» — свою великую тетю, русскую актрису Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову. Вспоминал так, будто она отлучилась или вот-вот, к ночи, должна вернуться из театра...

Владимир Владимирович Книппер родился ровно через двадцать лет после смерти Чехова, в семье брата Ольги Леонардовны — оперного певца и режиссера Владимира Леонардовича Книппер-Нардова.

Рано потеряв сперва мать, а потом и отца, Владимир Книппер-младший остался на попечении Ольги Леонардовны.

Владимир Владимирович, очевидно, сам долго не понимал до конца всей власти этих обстоятельств. Казалось, что могло быть общего между судьбой классика русской литературы и «типично советской» жизнью трудного подростка тридцатых годов, ушедшего потом почти мальчишкой на фронт?

Но общее случилось не в биографиях, а в преодолении характера, в остром сознании личной греховности, в переписывании себя набело многолетним усилием воли... А еще была знаменитая фамилия, от которой в отрочестве хотелось удрать, и выстраданное понимание, что деваться некуда. Вместе с фамилией надо достойно и смиренно везти за собой воз долгов, воспоминаний, архивов...

Текст, который вы прочитаете ниже, сложился из наших с Владимиром Владимировичем Книппером бесед.

Есть Россия, которую мало не растаскивать и не распродавать, ее еще надо длить во времени. Надо ухаживать за корнями, надо исполнять свою память — как это делает Владимир Владимирович Книппер.

◇

Антон Чехов — к Ольге Книппер, 9 августа 1900 г.

«...Мне все кажется, что отворится сейчас дверь и войдешь ты. Но ты не войдешь... Прощай, да хранят тебя силы небесные, ангелы хранители. Прощай, девочка хорошая.

Твой Antonio».

◇

...Мой отец плавал наперегонки с Чеховым в Новороссийске. А я раньше не мог об этом написать. Чехова принято было считать немощным. Юрий Яковлев в «Насмешливом моем счастье» сыграл Чехова одинокого, заброшенного, затюканного жизнью. Какие тут перегонки!

◇

Моя родина здесь — Арбат, Кисловские переулки, Новодевичье, и без них я бы умер, наверное. Недавно я прошел к дому, где я родился, у Новоарбатской площади, там особняк дома приемов МВД был, а теперь дом ветеранов. И вот прошел я по этому роскошному интерьеру, поклонился и помолился тем стенам, где была наша спальня, где отец, мать, тетя Оля сидели в большой гостиной, певцы Большого театра репетировали.. Поклонился их душам и ушел.

Когда в 37-м году, очень рано, умерла моя мать, я остался полусиротой. Отец был очень занят, а мне было тринадцать лет, и воспитывался я дальше тетей Олей. У нее я иногда ночевал, кормился, оттуда ходил в школу...

Как-то еще мальчишкой я ночевал в столовой у тети Оли. Огромный обеденный стол, огромная тахта, слабо огонек горит из-под двери в спальню, вдруг дверь приоткрывается: «Ты слышишь?..» — «Что такое?..» — «Кто-то ходит в передней...» А там дверь отходила, и от порыва сквозняка замок постукивал. Тетя Оля долго смотрела на большие фотографии Чехова: «Мне порой кажется, что это он...»

◇

...На Рождество — елка. Даже когда запрещали, у нас была елка и свечи, потускневшие от времени, но еще блестящие шары, самодельные игрушки из ваты, клейстером из крахмала делался морозный наст... Работали перчувшки, даже мальчишки туда пробирались, совали свой нос, ничего не понимая. Наши души не были приспособлены к пониманию того, что происходило там. Над кроватью тети Оли, у изголовья висела икона Божьей матери. Меня крестили в 24-м году, тетя Оля была моей крестной матерью, назвали Владимиром в честь Владимира Ильича. У отца было сложное отношение к Ленину.

Пасха у нас отмечалась, но куличи стояли под красным флажком. Отец разрешал только так. Он состоял в союзе безбожников. Как-то я пришел с пионерского сбора и порубил топором древние псковские иконы. Отец подскочил ко мне бледный... Вот откуда я пришел к вам, с каких страшных гор...

◇

...Отца приняли в партию, когда началась война, до этого он считался сочувствующим. Он верил... Помню, первое мое подпитие было еще мальчишкой, я пришел пьяный в семь часов утра, потом проснулся: «Ну, сейчас мне будет...» А отец брился в этот момент. Он увидел, что я проснулся, и сказал слова, которые я запомнил на всю свою жизнь: «Сын мой, мы мучились — я, тетя Оля, мы все, мы верили в то, что наши дети будут жить более счастливой, разумной жизнью. Мне стыдно за тебя».

Когда я уходил на фронт, он сказал мне: «Ты ничего не поймешь в моем архиве, если не станешь образованным человеком...» После войны я закончил ГИТИС с отличием. Принимали меня без всякого блата, и, когда приняли, профессор Мокульский позвонил тете Оле и сказал, какие коварные вопросы я, фронтовик, преодолел. Ранний и поздний Шекспир, своеобразие постановки «Последней жертвы» театра Советской Армии и МХАТа. Я готовился не по учебникам, а по театральным газетам и журналам, мемуарным книжкам. Я знал, что я фамилеоситель, всю жизнь я испытывал даже не трепет, а нечто большее: ты должен быть человеком в полном смысле. Я все время ощущал тяжесть фамилии. Лучше бы чего-нибудь попроще... Но не надо быть фарисеем. Идеальных людей очень мало. Мы совершаем большие и малые нехорошие поступки, иногда гадкие. Мы люди, мы человеки...

В моей жизни было время, когда я подрабатывал в газетах — то в «Литературке», то в «Труде», то в «Комсомолке» на побегушках, двадцать лет работал в «Водном транспорте» — мотался корреспондентом по Арктике, моряки меня даже иногда радиограммами вызывали, чтобы я разобрался, заступился.

Я пережил подлинное потрясение в 1950 году, когда наша сотрудница по имени Капа не выдержала режимной журналистики и ушла работать в школу, сказав оставшимся, что врать она больше не может... Я пережил эту историю так остро, что сразу дала знать о себе фронтовая контузия. Но когда я вышел из этой полосы — будто заново родился. Чеховская теория малых дел открылась мне в какой-то первозданной мудрости...

◇

...Гурзуф. Окошко на море. И простор... Тетя Оля подстригала розы. Рано утром ходили купаться, и мы с ней заплывали очень далеко. Как она была спокойна в таком удалении от берега! Ей было уже семьдесят лет. Мне подарили «лейку», и я снимал диафильмы. А тогда рядом, в «Артеке», были испанские дети, наша бухта наполнялась по вечерам шумом голосов, жгли костры, пели песни. И Мария Павловна тут была счастливая, и тетя Оля, все было молодо, зелено, и я веселился.

Один «фильм» мы сняли о событиях в Испании. Тетя Оля изображала Пассионарию, литератор Николай Дмитриевич Волков — «диктатора», мой отец — старого испанца, Мария Павловна — испанскую крестьянку.

◇

...Это было лето сорок первого года, когда эвакуировался Художественный театр и его стариков актеров, «золотой фонд», увозили. Тетя Оля пришла проститься с отцом и сказала, что похлопочет, чтобы мне разрешили уехать с отцом на Кавказ. Но отец сказал, что, конечно, лучше уехать, но «сын мой не поедет, и ты знаешь, почему».

А у меня была первая любовь, мне было шестнадцать лет. Это было что-то свыше... Как-то я пришел из школы и увидел, как мимо наших окон проходит девушка. Потом оказалось, она шла в свою школу, которая была в конце Нижнего Кисловского переулка. Я кинулся на окно, потом на второе, на третье и долго смотрел ей вслед, ничего не понимая, что произошло со мной. Выяснилось, что моя соученица знает эту девушку, они живут в одном доме. И завязался большой роман. Она была в десятом, я перешел в девятый класс. Ее звали Марго...

И я был так увлечен, так захвачен своим первым чувством, что не допускал мысли об отъезде из Москвы. Я не мог оставить ее одну. Я уехал собирать картошку, немцы наваливались на Москву. Марго пыталась эвакуироваться, ничего не получилось, она вернулась в город. Я узнал об этом и всеми правдами и неправдами уехал на один день с картошки, чтобы повидать свою девушку. Тогда бомбили Москву, и я помогал ей тащить ковер, а в нем — вещи, в метро под Арбатской площадью мы ложились рядом на рельсы в этих мрачных тоннелях и пережидали, когда отбомбятся немцы. Выходили — пахло порохом, пылью, под ногами — осколки, битое стекло. Голос диктора: «Отбой...» Но я любил!..

Марго училась уже в мединституте и работала маляром, я помогал ей красить, ходил на какую-то стройку... И вот тетя Оля пыталась меня урезонить: отец в зрелом возрасте, ему шел седьмой десяток, он прибаливал, и надо воспользоваться ее предложением. А я взял и сгоряча — я был выше этих разговоров, я забыл об отце, я был воспален этим чувством, войной, всей тогдашней жизнью с дежурствами на крышах, куда мы ходили вместе с Марго, я был бригадиром, когда копали противотанковые рвы на Хорошевском шоссе, спасал свою школу от пожара... И вот я сказал: «Тетя Оля, а ты сама-то любила так, как я?!»

Тетя Оля не то, что обиделась на меня... Она как-то не ожидала этого восклика. В наших отношениях появилась взрослая серьезность. Она стала откровенно говорить со мной о том, что для других так и осталось тайной...

◇

Когда война началась, вся эта заваруха, я спасал Бромы Исаича и Хину Марковну, собак тети Олиных. У нас был выводок: Мейерхольд взял — не знаю, мальчика или девочку, мы взяли мальчика — Тапи, а Брома и Хину взяла тетя Оля. Таксы такие же, как при Чехове. И вот я спасал их — ходил по столовым, брал объедки в бидон, таскал им на Гоголевский бульвар. Бром умер, и я похоронил его на этом бульваре, закопал, а Хинка оставалась еще жива.

На фронт я ушел в сентябре сорок второго. Минометчиком, в пехоту, на Калининский фронт. А женился на Марго в сорок четвертом, когда меня по болезни отпустили на семь дней в Москву. Скромный свадебный стол устроила у себя тетя Оля. Благословила нас золотой чайкой — той, что подарил Станиславский Чехову.

Тетя Оля любила повторять: «Разве любить — значит быть счастливой?»... После войны я вернулся в огромную квартиру отца — он умер, когда я был на фронте. После дня приходил туда и оставался один, тяжелая была полоса...

Мы все были контуженные. Есть какой-то фильм знаменитый, где с войны приходят все такие благополучные мужики, будто они никогда не видели кровь. А я однажды, после разговоров о послевоенном житье-бытье, разрядил «ТТ» в дверь спальной комнаты.

А случилось так, что первой любовью Марго был не я, а того парня-танкиста сильно покалечило на фронте. Он не хотел жить, узнав о том, что она вышла замуж за меня. Срывал бинты, отказывался есть, и мы с Марго пришли снова к тете Оле. В таких ситуациях советов не дают, мы все в этом сошлись... И в тот день, когда я, сходя с ума, стрелял в дверь, в Марго стрелял ее второй муж. К счастью, мимо...

Я бежал с экзамена в ГИТИСе, не выдержав вида этих благообразных чистеньких мальчиков и девочек. Тетя Оля тянула меня, занималась, разучивала со мной царя Бориса, «Жалобную книгу» Чехова, «Сирано де Бержерака» Ростана...

◇

Как-то после войны я провожал тетю Олю после концерта в Колонном зале, и нам навстречу попались Василий Орлов и Петр Чернов, актеры. Они поклонились и сняли зимние шапки. Был достаточно крепкий мороз, а они стали говорить, сняв шапки. Это меня поразило...

В ней есть добрая порция и Нины Заречной, и Аркадиной, и Раневской и, конечно, Маши Прозоровой. А главное — нота, интонация Нины Заречной: со смирением нести свой крест. Терпение — это и чеховская тема, и тети Оли...

Антон Чехов—Ольге Книппер, 2 января 1901 года.

«...Опиши мне одну репетицию «Трех сестер»... Не делай печального лица ни в одном акте. Сердитое. да, но не печальное. Люди, которые давно носят в себе горе и привыкли к нему, только посвистывают и задумываются часто...»

Дмитрий ШЕВАРОВ.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Летом прошлого года «КП» сообщала о дерзком ограблении Чеховского Дома-музея в Ялте. Тогда были украдены бесценные реликвии, среди которых — семейная икона Чеховых. На днях я получил из Ялты письмо.

«...О похищенных чеховских вещах, к сожалению, ничего сообщить не могу, — пишет главный хранитель Дома-музея Юрий Скобелев.—Я уже говорил Вам, что не надеюсь на их возвращение. Министерство культуры Крыма обещает музею милицейскую охрану, но ее пока нет. Слава Богу, пока мы держимся, музей работает, и немногочисленные посетители приходят поклониться Антону Павловичу. Постоянно отключают освещение. Воду дают только раз в неделю на один час. Отопление без в ды не функционирует. Дома при каждом вечернем телефонно звонке сердце замирает от страха: не случилось ли что с ховским Домом?..»